

УДК 101.1, 316.77

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-1-42-51

Феномен постправды в современной медиакоммуникации

И. В. Фотиева, Т. А. Семилет

*Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу социокультурного феномена постправды в современном коммуникационном пространстве и формирующейся на этой основе модели осуществления массовой коммуникации. Исследуются эмпирические проявления, философские основания и социальные детерминанты феномена; предпринимается попытка выяснения социально-культурной сущности постправды в сопряжении с феноменами «постдемократии» и «постжурналистики», дается прогноз эффектов следования субъектами коммуникации установкам постмодернистской философии. Особое внимание авторами уделено сопоставлению позиций теоретиков массовой коммуникации, показывающему амбивалентность анализируемых явлений и неоднозначность в оценках рассматриваемых феноменов и ситуаций.

Ключевые слова

постправда, медиапространство, массовая коммуникация, истина, постмодернизм

Для цитирования

Фотиева И. В., Семилет Т. А. Феномен постправды в современной медиакоммуникации // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 1. С. 42–51. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-1-42-51

The ‘Post-Truth’ Phenomenon in Modern Media Communication

I. V. Fotieva, T. A. Semilet

*Altai State University
Barnaul, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the analysis of the sociocultural phenomenon of ‘post-truth’ in the modern communication space and the model of mass communication that is formed on this basis. Empirical manifesta-

© И. В. Фотиева, Т. А. Семилет, 2021

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2021, vol. 19, no. 1

tions, philosophical foundations and social determinants of the phenomenon are investigated; an attempt is made to elucidate the socio-cultural essence of post-truth in conjunction with the phenomena of 'post-democracy' and 'post-journalism', a forecast of the effects of the subjects of communication following the attitudes of postmodern philosophy is given. The authors pay special attention to the comparison of the positions of theorists of mass communication, showing the ambivalence of the analyzed phenomena and the ambiguity in the assessments of the phenomena and situations under consideration.

Keywords

post-truth, media space, mass communication, truth, post-modernism

For citation

Fotieva I. V., Semilet T. A. The 'Post-Truth' Phenomenon in Modern Media Communication. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 1, p. 42–51. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-1-42-51

Современное общество принято определять как информационное, массово-коммуникационное, цифровое, где массовой коммуникацией детерминируются практически все сферы социокультурной реальности. Еще в середине XX в. было выделено четыре основные модели осуществления медиакommunikации: авторитарная, либертарианская, советская и модель социальной ответственности [Siebert et al., 1956]. Сегодня же все чаще публикуются исследования, утверждающие и обосновывающие формирование новой коммуникативной системы, отличной от классических, и даже новой эры – «эры постправды» [Keyes, 2004].

Феномен постправды уже стал популярной темой научных исследований. Можно отметить работы таких исследователей, как В. McComiskey, А. Evans, S. Lockie, E. Alterman, D. Roberts, С. В. Чугров, Г. М. Резник, О. Е. Труфанова, А. С. Кириченко, Е. Е. Пронина, Г. Г. Почепцов, В. Гатов, А. Амзин, И. С. Шушпанова, А. П. Короченский и др. Но при этом, во-первых, авторы преимущественно сосредоточены на политическом аспекте данной темы, и, во-вторых, большая часть работ представляет собой прикладные, эмпирические исследования массмедийного продукта. В теоретическом же аспекте на первый план выносятся вопросы о механизмах формирования различных форм проявления постправды; обсуждение результатов социологических исследований аудитории журналистов и экспертов по данному вопросу; анализ влияния феномена постправды на результаты политических выборов и т. д. В то же время, на наш взгляд, проблема генезиса, доминирования и последствий данного феномена требует более развернутого анализа, прежде всего с социально-философских позиций.

Наиболее общее понимание феномена постправды представлено в Оксфордском словаре английского языка, который определяет постправду (post-truth) как «прилагательное, относящееся к обстоятельствам, при которых объективные фак-

ты менее влияют на формирование общественного мнения, чем эмоциональные призывы»¹. При этом в его обсуждении выделяются разные аспекты.

Самый распространенный, как уже сказано, – *политический* аспект, где понятие постправды тесно сопрягается с понятием постдемократии. Так, Р. В. Жолудь отмечает, что данный неологизм приобрел в западном дискурсе особую популярность в 2016 г., когда вопреки здравому смыслу, объективным фактам и благодаря популистским заявлениям, эмоциональному давлению и дезинформации в США победил на президентских выборах Дональд Трамп, а жители Великобритании проголосовали за выход из Европейского союза [Жолудь, 2018. С. 117]. Сегодня же, после недавно прошедших президентских выборов в США, востребованность данного понятия лишь возросла. Политический акцент делается и в исследовании И. С. Шушпановой: «Для политического манипулирования образом реальности эффективно обращение к чувствам, не к рациональному отражению реальности. Технология “постправды” – это не столько утверждение, что правда не существует, сколько то, что факты подчинены определенной точке зрения. Мастера “постправды” полагают, что острые международные противоречия формируют поведение, задают деятельность людей, которые пытаются адаптировать реальность под свои взгляды, не наоборот» [2018. С. 96]. Этот же ракурс рассмотрения превалирует в коллективной монографии «Политика “постправды” и популизм: «Пространство “политики постправды” часто рассматривается как специфический политико-культурный феномен... связанный с символизацией практик принуждения многообразными социальными акторами, эгоистично борющимися за сохранение или приобретение политической власти» [Попова и др., 2018. С. 8].

Другое понимание данного термина сопряжено с понятием *постжурналистика* и включает широкий диапазон дисфункций медийной коммуникации. По мнению А. П. Короченского [2021], стратегии, присущие постжурналистике, содержат: форсированную драматизацию контента, персонализацию контента за счет создания и эксплуатации культа «медийных звезд», гедонизацию через гипертрофированное увеличение доли развлекательного медийного содержания, геймификацию, использующую игровые подходы, гибридизацию медиатекстов, которые приобретают смешанные характеристики журналистско-пиаровских, а также носят признаки инфотейнмента. Н. А. Бортников и А. П. Пунгина считают, что характеристиками постправды являются: «а) апеллирование к эмоциям и личным убеждениям аудитории... б) преднамеренное замалчивание объективных или вступающих в противоречие с заданной концепцией фактов... в) информационная перегрузка, трансляция непрерывного новостного потока, основная часть которо-

¹ Oxford Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth> (accessed 15.12.2020).

го состоит из абстрактных рассуждений; г) комбинирование правды и лжи; д) появление информации в “удачный” момент... е) провокация бурной реакции аудитории посредством представления “сенсационной” смысловой нагрузки содержимого постправды» [Бортников, Пунгина, 2017. С. 38].

Обсуждение феномена постправды в *социокультурном* и *социально-философском аспектах* чаще всего концентрируется на причинах «кризиса факта». Причины эти достаточно многоплановы: «от переизбытка фактического материала, разнообразия форм передачи информации, приводящих к невозможности проверить надежность и неангажированность источников, до влияния философии и эстетики постмодернизма» [Резник, 2019. С. 202].

Приведем несколько примеров. В упомянутой выше монографии «Политика “постправды” и популизм» в качестве типичных проявлений постправды названы в частности: «высмеивание экологических и социальных инициатив в рамках ежедневного и бытового дискурса, идущих вразрез с официальной позицией, показываемых или как глупость (“с жиру бесятся”), или как заговор против России (“Гринпис”); осознанное разжигание социальной и классовой ненависти по отношению к политическим оппонентам или “санкционированным” мишеням на основе демонстрации определенных особенностей их жизнедеятельности, в том числе с использованием политических и социальных стереотипов» [Попова и др., 2018. С. 43]. Вот типичные иллюстрации этого: «Гринпис – межрасовая тоталитарная секта экологических экстремистов... Позиционирует себя общественно-полезной, белой, пушистой, за всё доброе и вечное против всего мерзкого и непотребного. Для достижения целей использует по возможности громкие, на грани фолла, акции. Есть мнение, что конечная цель всех проектов зелёных – отжать бабло с нерадивых транснациональных корпораций и лоховатых чинуш»². Здесь, как легко видеть, реальные факты (громкие акции, выраженная экологическая направленность организации) «обрамлены» домыслами, выраженными в агрессивной форме и за счет этого довольно успешно апеллирующими к той части аудитории, которая склонна к «охоте на ведьм». Что касается осознанного разжигания социальной и классовой ненависти по отношению к политическим оппонентам, то примеры этого мы сегодня видим во множестве интернет-ресурсов, особенно в процессе суда над А. Навальным.

² «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

При этом надо отметить, что в большинстве исследований представлена вполне однозначная критическая позиция в отношении распространения постправды, что представляется вполне обоснованным. Но в то же время многие авторы предпринимают попытки легитимизации данного феномена, в частности видят некую социально-историческую закономерность смещения акцентов с потребности в истине на «согласие», консенсус, и на эмоциональную вовлеченность, пусть даже на основе иллюзий и ложных фактов. «Постправдивость... берет в расчет соединяющие оратора и аудиторию вопросы вкупе с сопровождающими их эмоциями и страстями, поскольку этос и пафос с их решениями и проблемами ничуть не в меньшей степени являются фактами и реалиями, чем логос» [Морозов, 2019. С. 102]. Следует отметить, что этот ракурс рассмотрения встречается не часто. Он закономерно связан с анализом классических проблем истины, ее критериев, механизмов верификации в современном «плюральном» мире, и здесь достаточно четко выделяются две исходные философские позиции.

В рамках первой из них утверждается неизбежность элиминирования самого понятия истины, что, как известно, связано с целым рядом факторов: кризисом «линейной» рациональности, утверждаемой модерном; выявлением сложности и неоднозначности развития научного знания, «подвижности» критериев рациональности и истинности; растущей множественности интерпретаций научных фактов и пр. Сам термин «постправда», по мнению сторонников данной позиции, «свидетельствует о современной культурной реальности, когда концепт истины сталкивается с новыми вызовами... Постпозитивизм идет даже на признание возможности равноправия различных познавательных практик» [Синельников, 2018. С. 330]. Помимо этих, вполне объективных, факторов, большую роль сыграла постмодернистская философия с ее утверждением «репрессивной функции» истины и рациональности как таковых. В более мягких подходах обосновывается множественность различных истин; при этом данная эпистемологическая парадигма, как отмечают авторы упомянутой выше монографии, «стремится снять теоретическую дихотомию “фактологического знания” и “ложности верований” посылкой, что знанием можно считать все то, что функционирует как знание в социальной практике» [Попова и др., 2018. С. 9]. В этом же русле формируются такие экзотичные направления, как альтернативная социальная эпистемология с тезисом об относительности не только понятий объективности, истины, механизмов верификации, но и познавательных установок, которые считаются привязанными к доминирующей социальной группе. Предлагается сместить центр эпистемологического дискурса с «белого мертвого человека» на виктимизированные сообщества. Так, популярной в конце 1990-х гг. стала работа Е. Седжвик, посвященная так называемой

«организованной квир-эпистемологии», центрирующей на проблемах анализа гомо- / гетеросексуальных дефиниций [Sedgwick, 1990].

Представители второй, противоположной, позиции, напротив, обосновывают неустрашимость понятия истины как с теоретико-методологической, так и с практической точки зрения. Сюда относятся не только многие философы, но и исследователи сферы массмедиа, подчеркивающие главную функцию любой коммуникации – предоставление объективной информации. Так, например, Б. Маккомиски разделяет «брехню» (безразличие к истине), «ложь» (целенаправленное искажение истины) и «постправду» (отвержение истины как таковой); при этом автор справедливо считает утверждение последней более серьезной проблемой, чем наличие первых [McComiskey, 2017. P. 23].

Представим несколько соображений относительно сказанного.

Прежде всего напомним уже неоднократно обоснованную во множестве работ критику философской позиции постмодернизма. Не вдаваясь в детальный анализ, отметим лишь, что истина здесь рассматривается как нечто статичное и ригидное, воплощающее жесткий механистический порядок. Это никак не соответствует сегодняшним представлениям о многоаспектности и динамичности истины, долженствующей отражать столь же динамичную реальность. И эта динамика – что принципиально важно – никоим образом не означает «плюрализма» истин и хаоса в его «гуманитарном» понимании, а лишь *существенно более сложные порядки*. При этом также упускается из виду старый аргумент: различные грани единой истины не означают «различных истин», следовательно, мы должны вновь обратиться к вопросу о критериях отличия взаимодополняющих истин от ложных мнений. Кроме того, как писал еще Д. Деннет в полемике с Р. Рорти, вопрос об истине для всего живущего на земле – это вопрос о жизни и смерти: любое существо стремится знать истину об окружающем мире и адекватно реагировать на ситуации, иначе погибнет. Человек отличается лишь тем, что его методы поиска истины очень изощренны и предполагают проверку их самих, постоянную коррекцию самой добытой истины: «Смысл задаваемых вопросов – получить правильные ответы... Нацеленность на истину безоговорочно присутствует в любой человеческой культуре» [Рорти, 1997. С. 98].

В социальном же плане «кризис факта» порождает как раз социальный хаос, разобщение различных групп вплоть до откровенной агрессии. «Кухонные» споры о политике, к примеру, основываются... на псевдореальностях, и порой спорщики на кулаках готовы отстаивать свои представления... Реальность же только одна, и, хотя каждый канал информации дает нам свою версию события, произошло только одно и никакое другое событие... Все остальное – не более и не менее, чем слова. Иногда эти слова могут играть более важную роль в социальной реальности,

чем то событие, которое произошло на самом деле. Но от этого событие не становится менее реальным, а слова – более реальными... Если мы признаем, что каждый из нас живет в своей социально сконструированной реальности, то это означает, что мы обречены на жизнь в собственных платоновских пещерах, наблюдая вместо теней социальные конструкции» [Труфанова, 2018. С. 23].

В политическом плане доминирование постправды означает движение в сторону тоталитарной модели государства или ее новых вариаций. Здесь, прежде всего, не следует упускать из виду, что большинство проявлений и форм постправды не является (как полагает ряд авторов) «первичным» свободным выражением мнений индивидов, но, напротив, весьма «вторично», так как целенаправленно вбрасывается в социум финансово-политическими управляющими структурами. Соответственно, финальный результат торжества постправды будет означать отсутствие критериев выбора при решении важных социальных проблем, элиминацию гражданского общества, формирующего не просто «свою позицию», но позицию, обоснованную и учитывающую именно объективные факты.

Далее, отметим, что часто подчеркиваемая значимость ориентации на консенсус и на ценностно-эмоциональные аспекты межличностных коммуникаций не подлежит сомнению. Но данные аспекты находятся в совершенно иной плоскости и не пересекаются с дихотомией «истина / ложь». Таким образом, происходит подмена тезиса.

И наконец, легитимизация постправды ставит под вопрос функционирование науки как важнейшего социального института современности, на который «завязаны» практически все остальные сферы. «К обстоятельному перечню опасностей, создаваемых состоянием постфактичности и политикой постправды, стоит добавить ту, что связана с обесцениванием подлинно экспертного знания, антиинтеллектуализмом, фактически вытеснением науки и образования из сферы общественного внимания. Агрессивные попытки свести неудобное для власти научное суждение до уровня простого мнения приводят к тому, что люди не могут получить объективную оценку происходящего» [Глухова, 2018. С. 371].

В целом же те явления, совокупность которых именуется термином «постправда», свидетельствуют о системных дисфункциях массовой коммуникации, ведущих к радикальным деструктивным трансформациям в современной социокультурной системе. Но сказанное не означает, что тема постправды не заслуживает серьезного внимания. По сути, она вновь обнажила сложность как социокультурных, так и гносеологических проблем. Понятия истины, объективности, наличие единых критериев верификации и рациональности вряд ли можно элиминировать, но очевидна необходимость их существенного уточнения, особенно в связи с фундаментальными открытиями естествознания и усложняющейся социальной практикой.

Список литературы / References

- Бортников Н. А., Пунгина А. П.** Визуальный политический интернет-мем как инструмент постправды // Политика постправды и популизм в современном мире: Материалы Всерос. науч. конф. с международным участием. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 38–40.
- Bortnikov N. A., Pungina A. P.** Vizual'nyj politicheskij internet-mem kak instrument postpravdy [The visual Internet political meme as a post-truth tool]. In: Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire [Post-truth politics and populism in the modern world]. Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation. St. Petersburg, Skifiya-print, 2017, p. 38–40. (in Russ.)
- Глухова А. В.** Постфактическая демократия и политика постправды: как защитить реальность? // Личность, общество, власть: прошлое и современность: Материалы XII Регион. науч. конф. Воронеж: ИД ВГУ, 2018. С. 368–373.
- Glukhova A. V.** Postfakticheskaya demokratiya i politika postpravdy: kak zashchitit' real'nost'? [Post-factual Democracy and Post-Truth Politics: How to Protect Reality?]. In: Lichnost' obshchestvo, vlast': proshloe i sovremennost' [Personality, society, power: the past and the present]. Materials of the 12th Regional scientific conference. Voronezh, VSU Press, 2018, p. 368–373. (in Russ.)
- Жолудь Р. В.** «Эра постправды» в западной журналистике: причины и последствия // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 117–123.
- Zholud R. V.** “Era postpravdy” v zapadnoj zhurnalistike: prichiny i posledstviya [The Post-Truth Era in Western Journalism: Causes and Consequences]. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*, 2018, no. 3, p. 117–123. (in Russ.)
- Морозов А. В.** Ответ на вопрос: что такое постправда? Перспектива проблематологии // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. С. 93–105.
- Morozov A. V.** Otvet na vopros: chto takoe postpravda? Perspektiva problematologii [The answer to the question: what is post-truth? Problematology perspective]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniy*, 2019, no. 3, p. 93–105. (in Russ.)
- Попова О. В., Ачкасов В. А., Баранов Н. А. и др.** Политика «постправды» и популизм / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018.
- Popova O. V., Achkasov V. A., Baranov N. A. et al.** Politika “postpravdy” i populizm [Post-truth politics and populism]. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg, Skifiya-print, 2018. (in Russ.)
- Резник Г. М.** Журналистика в мире постправды // Мировое развитие проблемы предсказуемости и управляемости: Материалы XIX Междунар. Лихачевских научных чтений. СПб.: Изд-во СПбГУПТД, 2019. С. 202–204.

- Reznik G. M.** Zhurnalistika v mire postpravdy [Journalism in a post-truth world]. In: Mirovoe razvitie problemy predskazuemosti i upravlyaemosti [World development of the problem of predictability and controllability]. XIX International Likhachev Scientific Readings. St. Petersburg, SPbSUPTD Press, 2019, p. 202–204. (in Russ.)
- Рорти Р.** Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997.
- Rorti R.** Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and the mirror of nature]. Novosibirsk, NSU Press, 1997. (in Russ.)
- Синельников Д. П.** Постправда и проблема современного коммуникационного пространства // Век информации. 2018. Т. 1, № 2. С. 329–330.
- Sinel'nikov D. P.** Postpravda i problema sovremennogo kommunikacionnogo prostranstva [Post-truth and the problem of modern communication space]. *Vek informatsii*, 2018, vol. 1, no. 2, p. 329–330. (in Russ.)
- Труфанова Е. О.** Истина, знание и реальность в эпоху «постправды» // Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее: Материалы VII Иоанновских научных чтений. М.: Легкий сад, 2018. С. 17–25.
- Trufanova E. O.** Istina, znanie i real'nost' v epokhu "postpravdy" [Truth, knowledge and reality in the era of "post-truth"]. In: Poisk istiny kak aksiologicheskaya paradigma gumanitarnogo znaniya: proshloe, nastoyashchee, budushchee [The search for truth as an axiological paradigm of humanitarian knowledge: past, present, future]. VII John's scientific readings. Moscow, Letnij sad Publ., 2018, p. 17–25. (in Russ.)
- Шушпанова И. С.** «Постправда» в социальной реальности: риски и угрозы // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 94–104.
- Shushpanova I. S.** "Postpravda" v sotsial'noj real'nosti: riski i ugrozy ["Post-truth" in social reality: risks and threats]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018, no. 12, p. 94–104. (in Russ.)
- Keyes R.** Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York, St. Martin's Press, 2004.
- McComiskey B.** Post-truth rhetoric and composition. Boulder, University Press of Colorado, Utah State University Press, 2017.
- Sedgwick E. K.** Epistemology of the Closet. Berkly, University of California Press, 1990.
- Siebert F. S., Peterson T., Schramm W.** Four Theories of the Press: The Authoritarian, Libertarian, Social Responsibility, and Soviet Communist Concepts of What the Press Should Be and Do. Urbana, University of Illinois Press, 1956.

Материал поступил в редколлегию (Received) – 05.02.2021

Статья принята к публикации (Accepted) – 08.02.2021

Сведения об авторах / Information about the Authors

Фотиева Ирина Валерьевна

доктор философских наук, доцент
профессор кафедры теории и практики журналистики, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Irina V. Fotieva

Doctor of Sciences (Philosophy), Docent
Department of theory and practice of journalism, Professor, Altai State University
(Barnaul, Russian Federation)

fotieva@bk.ru
ORCID 0000-0002-9918-1635

Семилет Тамара Алексеевна

доктор философских наук, профессор
профессор кафедры теории и практики журналистики, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Tamara A. Semilet

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Department of theory and practice of journalism, professor, Altai State University
(Barnaul, Russian Federation)

7let@mail.ru
ORCID 0000-0002-1680-9707